

Орден Воды

по мотивам Легендарной Тотики

Аркадий Панчев

Аркадий Лаптев

Орден Воды

<https://litres.ru/74040964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фома — Изгой, бывший вампир, потерявший всё. В поисках Третьей Великой Сферы он приходит в Орден Воды — город-крепость на краю океана, где маги и ассасины веками сдерживают натиск вампиров. Но путь к Сфере лежит через казармы безжалостных убийц. Фома становится ассасином, обретает союзников, раскрывает заговор предателя и принимает бой, который решит судьбу мира. Когда армия Древнего вампира Юверина подступает к стенам, а надежда почти угасает, Фоме предстоит сделать выбор, на который не решался никто, — и стать тем, кого ещё не видел этот мир.

Аркадий Лаптев

Орден Воды

Орден Воды

Книга третья

Пролог.

Он шёл долго. Очень долго. Руна телепортации, та самая, что вынесла его из разорённого, захваченного вампирами Древнего Лагеря, не донесла его до цели. Она выбросила Фому где-то в предгорьях, в скалистой, бесплодной местности, где ветер выл в расщелинах на сотни голосов, а снежная крупа секла лицо, смешиваясь с пеплом, который, казалось, преследовал его от самого дома. И последние несколько дней он провёл в пути. Он шёл через каменистые пустоши, усеянные валунами, поросшими серым, цепким лишайником. Шёл через перелески, где деревья, искорёженные постоянными штормами с океана, не росли вверх, а стелились по земле, переплетаясь ветвями, словно в молитве о пощаде. Шёл через овраги, по дну которых, журча и переливаясь, бежали ручьи с ледяной, кристально-прозрачной водой, такой холодной, что от неё ломило зубы.

Он ночевал под открытым небом, закутавшись в тяжёлый, лохматый спальный мешок из медвежьей шкуры. Густой, мускусный запах зверя окутывал его, как кокон, и все хищники, волки, чьи силуэты порой мелькали на гребнях холмов; па-

дальшики, чьи глаза горели в темноте жёлтыми огнями; даже вездесущие свинорылы, чьё хрюканье доносилось из оврагов, обходили его ночные стоянки стороной. Он спал чутко, просыпаясь от каждого резкого звука, и каждое утро просыпался с ощущением, что спальный мешок, единственное, что отделяет его от смерти в этом чужом, враждебном мире.

Питался он мясом свинорылов, жёстким, волокнистым, с горьковатым привкусом, которое зажарил ещё в шахте. Мясо уже начало портиться, но выбора не было. Он отрезал по куску в день, жевал медленно, запивал ледяной водой из ручьев и шёл дальше. Он похудел. Черты его лица заострились, скулы выступили резче, а под глазами залегли глубокие тени. Но взгляд, упрямый, тёмный, горящий изнутри, остался прежним. Взгляд человека, который многое потерял, но ещё не всё.

И с каждым днём, с каждым шагом на восток, он чувствовал, как меняется мир вокруг.

Пелена, вечная, неизменная спутница Котла, та, что накрывала земли от горизонта до горизонта серым, удушливым саваном, здесь, на востоке, становилась тоньше. Она больше не давила на плечи свинцовой тяжестью, не скрадывала звуки, не превращала день в бесконечные, тоскливые сумерки. Солнце, которое Фома привык видеть лишь бледным, размытым пятном за молочной завесой, теперь пробивалось сквозь неё, словно сквозь матовое стекло дорогого фонаря, рассеянное, мягкое, но живое. Настоящее. Тёплое. Оно лас-

кало кожу, и Фома, шедший так долго в холоде и мраке, порой останавливался, закрывал глаза и просто стоял, подставив лицо его лучам.

Небо здесь было другим. Не серым, не плоским, не мёртвым. Оно было глубоким, с проблесками настоящей, живой голубизны в разрывах облаков. А воздух, воздух изменился тоже. Он больше не пах гарью, пеплом и сырым камнем. В нём появилась соль. Йод. Водоросли. Запах океана.

А потом, на исходе очередного дня, когда солнце уже начало клониться к западу, окрашивая облака в блёклые, разбавленные Пеленой золотисто-розовые тона, Фома вышел к побережью.

Он замер на невысоком скалистом уступе, и дыхание перехватило.

Орден Воды раскинулся перед ним во всём своём суровом, неприступном, почти невероятном величии.

Фома стоял и смотрел, не в силах отвести взгляд. Ветер, солёный, влажный, пахнувший йодом, водорослями и чем-то ещё, бесконечно далёким и свободным, трепал его волосы, швырял в лицо мелкую водяную пыль. Он вдыхал этот воздух полной грудью и чувствовал, как внутри, где-то глубоко под слоем усталости, потерь и боли, шевелится что-то давно забытое. Надежда.

Крепость возвышалась на массивном скальном плато, которое врезалось в океан, словно нос исполинского каменно-

го корабля. С одной стороны, с той, что смотрела на восток, стены отвесно обрывались в воду, прямо в ревущий, пенный прибой. Волны, серо-стальные, тяжёлые, бились о скалы далеко внизу, вздымая облака белой пены, и грохот их долетал сюда приглушённым, ритмичным, почти гипнотическим гулом. Океан простирался до самого горизонта, бескрайний, холодный, живой. Его поверхность была подёрнута мелкой рябью, и солнечный свет, пробивавшийся сквозь истончившуюся Пелену, играл на гребнях волн мириадами серебристых, спящих бликов. Чайки белые, крикливые, кружили над водой, и их пронзительные крики эхом отдавались от скал.

Сама крепость была сложена из серого, почти белого камня не того тёмного, мрачного, почти чёрного, из которого были построены замки вампиров, а светлого, с мельчайшими вкраплениями кварца. Эти вкрапления вспыхивали и искрились в солнечном свете, и казалось, что стены Ордена усеяны звёздами. Каменная кладка была древней, Фома видел это по тому, как стёрлись углы, как выветрились некоторые блоки, но при этом невероятно прочной, укреплённой магией. Башни, квадратные и массивные, вздымались над стенами через равные промежутки, и каждую венчал высокий шпиль с флюгером в форме капли воды, капли выкованной, судя по блеску, из чистого серебра. Флюгеры медленно вращались на ветру, и их движение создавало странное, завораживающее ощущение: казалось, что вся крепость дышит.

Это была не мрачная, давящая твердыня Древних, какой был Дом Белой Луны. Не гигантский склеп, кишачий тварями. Это была крепость, построенная людьми и для людей. Суровая. Непрístupная. Но не лишённая своеобразной, строгой, почти аскетичной красоты. Красоты силы, которая не нуждается в украшениях.

Главные ворота, к которым вёл широкий каменный мост, были окованы железом и серебром. Железные полосы, толстые, в палец шириной, перекрещивались на тяжёлых дубовых створках, а серебряные пластины, отполированные до зеркального блеска, покрывали их сверху не для красоты, а для защиты. Серебро, смертельное для вампиров, сияло в лучах заходящего солнца, и от этого сияния у Фомы, в чьих жилах когда-то текла вампирская кровь, по спине пробежал неприятный, инстинктивный холодок.

Сам мост пересекал ров. Широкий, наполненный водой, которая казалась необычно чистой, почти светящейся изнутри. Вода в нём не была стоячей она текла, медленно и величественно, и Фома видел, как течение подхватывает опавшие листья и уносит их куда-то в сторону океана. Он знал: на дне этого рва, уложенные ровными рядами, лежат серебряные пластины. Знал по тому глухому, инстинктивному страху, что поднимался от воды, страху, который чувствовала та часть его существа, что когда-то была вампирской. Вода здесь была отравлена серебром. Она была чистой, прозрачной, пригодной для питья но для любого кровососа, риск-

нувшего ступить в неё, она стала бы смертельным ядом, прожигающим плоть до костей.

Ров огибал всю территорию Ордена, широкий величественный, и уходил далеко в стороны, огибая скальное плато двумя рукавами. Там, где эти рукава достигали обрыва, серебряная вода низвергалась в океан, смешиваясь с солёными волнами. И океан возле побережья, на сотни метров от скал, тоже становился непреодолимой защитой: серебро, растворённое в воде, делало его смертельным для вампиров. Ни один кровосос не мог приблизиться к Ордену Воды ни по суше, ни по морю.

За стенами, насколько Фома мог разглядеть со своего уступа, раскинулся целый город. Он занимал всё плато от внешних стен до подножия скального уступа, на котором возвышалась цитадель. Несколько сотен домов, сложенных из того же серого камня, с покатыми черепичными крышами красными, бурыми, местами тёмно-синими. Узкие, извилистые улочки, мощённые булыжником, сбегались к центральной площади, где бил фонтан. Из труб поднимались струйки дыма десятки, сотни струек, и ветер, пахнувший океаном, подхватывал их и уносил прочь. Фома видел людей. Много людей. Они двигались по улицам мелкие, словно муравьи, фигурки, и до него долетали обрывки звуков: чей-то крик, стук молота о наковальню, скрип тележных колёс. Он не видел столько людей в одном месте с тех пор, как покинул свой мир. Это было... ошеломляюще. Почти чуждо. Почти забыто.

Ближе всего к внешним стенам, слева от ворот, расположились три фермы. Их было хорошо видно с уступа обширные, тщательно ухоженные уголья, разбитые на аккуратные сектора. На первой ферме зеленели овощные гряды капуста, морковь, какие-то незнакомые Фома корнеплоды с широкими листьями. Над грядками трудились работники в широкополых соломенных шляпах, и слышался их мерный, ритмичный говор. На второй ферме паслись овцы белые, лохматые, с длинной, свалывшейся шерстью, которая колыхалась на ветру, словно волны. Пастух, опираясь на длинный посох, стоял на пригорке, и его собака крупная, лохматая, чёрно-белая, носилась вокруг стада, сгоняя отбившихся овец. Третья ферма была огорожена высоким забором, и над её грядками поднималось слабое, едва заметное сияние то ли голубоватое, то ли зеленоватое, выдававшее присутствие сильной магии. Там выращивали магические травы. Воздух над этой фермой дрожал и переливался, и даже с такого расстояния Фома чувствовал лёгкий, едва уловимый запах незнакомый, пряный, отдающий чем-то вроде мяты и полыни одновременно.

Правее, за стенами, у самой воды, виднелся порт. Несколько длинных каменных причалов уходили в океан, и у них покачивались на волнах рыбацьи баркасы с убранными парусами и несколько крупных кораблей с высокими мачтами. Один из кораблей, самый большой трёхмачтовый, с резной носовой фигурой, изображавшей не то дракона, не то

морского змея, — разгружали докеры: они таскали по сходням тюки и ящики, и их крики эхом разносились над водой. Чайки с пронзительными воплями кружили над портом, дрались из-за рыбьих голов и потрохов, которые рыбаки швыряли прямо на камни.

В портовом квартале, у самого берега, теснились покосившиеся лачуги. Они были сколочены, из чего попало досок, обломков корабельной обшивки, кусков ржавого железа, и крыты кто дранкой, кто тростником, а кто и просто куском просмоленной парусины. Между лачугами петляли узкие, тёмные, зловонные переулки, в которых, как Фома знал по опыту опыту, добытому ещё в Тюремке Третьего Кольца, водились крысы размером с кошку, пьяницы, проигравшие в кости последние медяки, и люди с ножами за пазухой, готовые перерезать глотку за горсть монет. Над дверями некоторых лачуг висели вывески облупившиеся, едва читаемые, обозначавшие таверны. Из распахнутых дверей одной такой таверны доносился грубый смех, звон кружек и запах кислого пива. Нищий квартал. Он был в каждом городе, и этот не был исключением.

Выше, на холме, за второй линией стен не таких высоких, как внешние, но всё ещё внушительных, располагался собственно город. Там жили ремесленники, охотники, подмастерья — те, кто работал руками и кормил Орден. Фома разглядел вывески над дверями лавок, выстроившихся вдоль главной улицы. Молот и наковальня, выкованные из желе-

за и подвешенные над дверью, лавка кузнеца. Весы и монета, вырезанные из дерева и раскрашенные золотой краской, ювелир. Ступка и пестик, увитые бронзовыми листьями, алхимик. Лук и стрела, скрещённые на щите, лавка охотника. Посох, обвитый серебряной спиралью с мерцающими звёздами, лавка мага. Рубанок и доска столяр. Город жил. Город торговал. Город работал.

По улицам двигались патрули. Ассасины.

Фома всматривался в них с особым вниманием, запоминая каждую деталь так, как когда-то учил его Крест. Никаких плащей. Никаких развевающихся полотнищ, цепляющихся за углы, хлопающих на ветру и выдающих движение. Никакой лишней ткани. Их тела облегали тёмные, почти чёрные одежды, плотно прилегающая куртка с широким поясом, и штаны, широкие в шаге, но сужающиеся книзу штаны, заправленные в мягкую обувь с мягкой подошвой с разделённым большим пальцем. Обувь лёгкая, гибкая, с тонкой войлочной подошвой не оставляла следов и не издавала ни звука даже на булыжной мостовой. Лица были скрыты низко надвинутыми капюшонами-шлемами, из-под которых виднелись лишь глаза холодные, спокойные, оценивающие. У некоторых нижняя часть лица была закрыта тёмной плотной маской, у других открыта, но выражение лиц оставалось одинаково бесстрастным. Ни улыбки. Ни злобы. Ни страха. Только профессиональная, отточенная годами тренировок внимательность.

За спиной у каждого висел прямой меч в ножнах не длинный, не короткий, идеально сбалансированный для быстрого извлечения. Пояс, широкий и плотный, был усеян подсумками и креплениями, для метательных ножей. Двигались ассасины не как обычные стражники не тяжело и размеренно, не вразвалку, а текуче, хищно, словно тени, скользящие по стенам на закате. Их шаги были неслышны. Их движения экономны и точны. Ни одного лишнего жеста.

Они были безжалостные убийцы, не знающие ни страха, ни жалости.

Патрули состояли из новичков Фома видел это по тому, как они держались. Их движения были ещё чуть скованны, чуть неуверенны. Они слишком часто оглядывались, слишком заметно проверяли оружие. Им не хватало той плавной, звериной, почти ленивой грации, что отличает мастеров.

От города вверх, к скальному уступу, вела широкая каменная лестница, вырубленная прямо в скале. Ступени, отполированные тысячами ног, поднимались круто, и на середине подъёма лестница раздваивалась, огибая массивное, приземистое здание. Казармы ассасинов. Они были сложены из того же серого камня, что и всё вокруг, но выглядели иначе более строго, более аскетично. Никаких украшений. Никаких излишеств. Только голые стены, узкие окна-бойницы и широкая площадка перед входом, превращённая в тренировочный плац.

Там, на плато, даже сейчас, на исходе дня, кипела рабо-

та. Новички отрабатывали базовые стойки замирали в низких, напряжённых позах, держа мечи перед собой, и мастер обходил их, поправляя то плечо, то локоть лёгким, почти небрежным движением. Посвящённые метали ножи в деревянные мишени тёмные силуэты взмахивали руками, и в щиты, расставленные на разном расстоянии, с сухим треском впивались смертоносные лезвия. Мастера вели спарринги на мечах быстрые, безжалостные, где каждое движение могло стать смертельным, но останавливалось в миллиметре от цели. Звон стали эхом разносился над плато, и чайки, кружившие над скалами, отвечали на него пронзительными криками.

Гранд-мастер Ли, как знал Фома из слухов и обрывков разговоров, командовал всеми ассасинами отсюда. Человек-легенда. Человек-тень. Говорили, что он мог появиться из ниоткуда и исчезнуть в никуда, не оставив и следа. Говорили, что он лично обучал каждого мастера. Говорили, что он никогда не спит. Фома не знал, что из этого, правда, но одно знал точно: Орден Воды не продержался бы так долго без железной дисциплины и безжалостной эффективности ассасинов.

Ещё выше, над казармами, на самой вершине скалы, раскинулся Верхний квартал. Туда вела ещё одна лестница, более узкая и крутая, и ворота наверху охранял патруль из пяти ассасинов — не новичков, а посвящённых, замерших у входа в идеально симметричных стойках. Верхний квартал

был царством знати. Дома из белого камня, с изящными колоннами и стрельчатыми арками, с внутренними двориками, где журчали фонтаны, и с садами, где цвели деревья, укрытые от ветра высокими стенами. Там жили богатые торговцы, мастера гильдий, Судья верховный арбитр Ордена, и сам губернатор.

Ратуша возвышалась в самом сердце Верхнего квартала. Массивное трёхэтажное здание с высокой часовой башней, на шпиле которой развевался флаг Ордена Воды: серебряная капля на синем, как океан, поле. Там, в своих покоях, жил и правил Лорд Таген губернатор, политик. Говорили, что он был справедлив, но суров. Говорили, что он не покидал ратушу уже много лет, управляя Орденом через своих советников и гонцов. Фома надеялся, что ему не придётся встретиться с губернатором. По крайней мере, пока.

И наконец, в самой дальней, самой высокой части плато, у самого обрыва, где скала отвесно уходила в океан на сотни метров вниз, стоял Монастырь Магов Воды.

Он был не похож ни на одно здание, которое Фома видел раньше. Высокий, стройный, он вздымался над обрывом, словно вырастая из самой скалы. Его купол огромный, полупрозрачный, был сложен из голубоватого стекла, и сквозь него внутрь проникал мягкий, рассеянный свет, озарявший внутренние залы. Даже сейчас, на закате, купол светился изнутри, словно гигантский фонарь. Аркбутаны каменные дуги, поддерживавшие стены, напоминали застывшие водяные

струи, изогнутые ветром. А башни, тонкие и высокие, были увиты спиральями каменных лестниц, поднимавшихся к самым шпилям, увенчанным, как и везде в Ордене, серебряными каплями.

Монастырь был окружён собственной стеной невысокой, но, без сомнения, усиленной мощнейшей магией. У ворот, замерших в идеальной неподвижности, стояли ассасины. Не новички. Не посвящённые. Мастера. Их было четверо, по двое с каждой стороны, и их тёмные облегающие одежды отличала одна-единственная деталь: серебряная капля, вышитая на левом плече доспеха. Знак принадлежности к личной гвардии архимага. Эти люди если их ещё можно было назвать людьми, не двигались, не моргали, казалось, даже не дышали. Они были подобны статуям.

Там, внутри, за этими стенами, под этим сияющим куполом, находился архимаг Ватурас. Тот, ради кого Фома проделал весь этот путь. Тот, кто знал, где находится Третья Великая Сфера. Тот, кто возможно знал, где Ксенагор.

Фома стоял на скалистом уступе, и ветер трепал его чёрный балахон. Солнце опускалось всё ниже, и тени от башен Ордена вытягивались, ползли по камням, словно живые. Он видел перед собой целый мир. Мир, который жил жил по-настоящему, не зная ужаса вампирских набегов. Мир, защищённый серебром, магией и сталью ассасинов. Мир, где у него ещё могла быть надежда.

Он поправил лямки заплечного мешка, сшитого из гру-

бой, но прочной шкуры болотной крысы, и начал спускаться с уступа, цепляясь за выступы скалы. Спальный мешок из медвежьей шкуры, притороченный к мешку снаружи, глухо постукивал о спину при каждом шаге. Доспех из шкур болотных крыс уже изрядно потрёпанный, покрытый шрамами от когтей, сидел на нём привычно, как вторая кожа. Топор лесника стальной, с широким, остро заточенным лезвием, был заткнут за пояс. Три метательных ножа ассасинов с серебряным покрытием висели в специальных петлях доспеха на груди так, чтобы их можно было выхватить одним движением.

Он спустился на дорогу, ведущую к мосту, и зашагал по вымощенному камнем тракту. Копыта здесь, видимо, часто проезжали телеги, выбили в камне глубокие колеи. Впереди, над воротами, уже зажигали факелы: их оранжевое, живое пламя, не зеленоватое, вампирское, а настоящее, тёплое, человеческое, вспыхивало одно за другим, отбрасывая на камни пляшущие тени.

Фома перешёл мост, и его шаги гулко застучали по каменным плитам. Внизу, под мостом, текла серебряная вода. От неё поднимался холод не просто холод воды, а что-то иное, что-то, от чего его кровь, бывшая когда-то вампирской, начинала петь глухую, тревожную песню. Инстинкт старый, почти забытый, но не умерший до конца, кричал ему бежать прочь, подальше от этого места. Серебро. Много серебра. Смерть.

Фома подавил этот инстинкт. Он уже давно научился это делать.

Стражники у ворот, два ассасина в тёмных облегающих одеждах, проводили его пристальными, оценивающими взглядами. Один из них, тот, что стоял слева, чуть склонил голову набок, разглядывая путника. Его глаза единственное, что было видно из-под маски, — скользнули по потрёпанному доспеху Фомы, по топору, по медвежьему мешку за спиной. Взгляд был холодным, профессиональным, взгляд убийцы, оценивающего потенциальную угрозу, но в нём не было ни страха, ни отвращения, ни чего-то сверхъестественного. Просто оценка. Просто работа.

Фома был человеком. Обычным человеком из плоти и крови. Запах Изгоя, отвратительный и тошнотворный для вампиров, для этого стража не значил ровным счётом ничего. Он его не чувствовал. Никто из людей не чувствовал. Для них Фома был просто странником потрёпанным, уставшим, пропылённым долгой дорогой, но не опасным. Или, по крайней мере, не опасным настолько, чтобы поднимать тревогу.

Ассасин едва заметно кивнул, не Фоме, а скорее собственным мыслям, и перевёл взгляд на дорогу за его спиной. Второй стражник даже не пошевелился. Фома прошёл в ворота. И Орден Воды принял его.

[Инвентарь:]

— Доспех из шкур болотных крыс (защита: 5) — надет.

— Топор лесника (стальной, урон: 20, прочность: сред-

няя).

— Метательные ножи ассасинов (3 шт., урон: 35, серебряное покрытие).

— Кремнёвый нож.

— Малое зелье здоровья (1 шт.).

— Записка Ксенагора.

— Руна телепортации.

— Мясо свинорылов (6 кусков).

— Спальный мешок из медвежьей шкуры (тепло: высокое, эффект: отпугивание диких зверей, вес: 4 кг).

— Заплечный мешок из шкуры болотной крысы.

[СТАТУС: Изгой (Уровень 2)]

Здоровье: 110/110

Мана: 20/20

Очки Значимости: 40

Доступно очков обучения: 6

Характеристики:

СИЛ: 11

ЛВК: 9

ИНТ: 10

ВЫН: 12

Навыки:

Владение мечом (Ур. 1)

Лук (Ур. 1)

Дробящее оружие (Ур. 1)

Разделка туш (Ур. 2)

Скрытное перемещение (Ур. 1)

Истинная невидимость (активна, расход маны: 2 ед./мин.)

Беспрепятственный проход через препятствия (активен, расход маны зависит от плотности/толщины стены)

Отвращение вампиров (пассивный навык, действует только на вампиров)

Поглощено сфер: 2

Квесты: найти Марту, Коржика и Ксенагора. Поглотить третью сферу. Уничтожить Пелену.

Глава 1

Солнце село. Пелена, истончившаяся у восточного побережья до состояния полупрозрачной дымки, теперь налилась густым, тёмно-синим цветом, и сквозь неё проступили первые звёзды, колючие, далёкие, равнодушные. Воздух, ещё час назад тёплый и прогретый солнцем, быстро остывал, и с океана потянуло сыростью.

Фома перешёл мост, чувствуя, как снизу, от серебряной воды, поднимается холод, и направился не к воротам города, а левее, туда, где за невысокой каменной оградой темнели поля и пастбища трёх ферм. Ему нужно было пополнить кошелёк. Точнее, завести его. После Дома Белой Луны у него не осталось ничего, кроме того, что висело на поясе и лежало в заплечном мешке.

Первая ферма встретила его запахом навоза и свежев-

скопанной земли. Овощные гряды, ещё час назад зеленевшие под солнцем, теперь казались чёрными, и только кое-где на листьях капусты поблёскивала роса. У входа в фермерский дом, сложенный из грубого серого камня, горел фонарь, и в его жёлтом свете Фома разглядел крепкого, коренастого мужчину, который чинил упряжь, сидя на перевернутом ящике. Мужчина был немолод — седина уже тронула его виски, а руки, хоть и огрубевшие от работы, двигались с уверенной, неторопливой сноровкой человека, привыкшего к труду.

— Добрый вечер, — сказал Фома, подходя.

Фермер поднял голову, оглядел путника, доспех из крысиных шкур, топор, заплечный мешок, и кивнул. Взгляд его был спокойным, без страха и без особого интереса. В Ордене Воды привыкли к странникам.

— Есть мясо свинорылов, — сказал Фома. — Шесть кусков. Свежее. И шкура болотной крысы. Мешок. Продам.

Фермер отложил упряжь, подошёл. Фома развязал заплечный мешок и показал мясо — шесть изрядных кусков, завёрнутых в листья лопуха. Мясо уже начало портиться, но всё ещё годилось в пищу. Фермер понюхал, поморщился, но кивнул.

— Свинорылы, говоришь? Жёсткое, как подошва. Но для похлёбки сгодится. Дам три медяка за всё. А мешок... — он пощупал шкуру, — работа грубая, но материал добрый. Ещё два медяка.

— Пять за всё, — сказал Фома. — И ещё мне нужна информация.

— Какая?

— Где найти мага Воды. Настоящего, не лавочника.

Фермер хмыкнул, почесал затылок.

— Маги Воды в Монастыре сидят. Архимаг Ватурас, слышал небось. Но туда простому люду ходу нет. А если тебе попроще маг нужен, из тех, что с народом якшаются, иди в «Синюю Медузу». Это таверна в портовом квартале. Там частенько один маг ошивается. То ли пьёт, то ли долги собирает, кто ж их разберёт.

Фома кивнул. Фермер отсчитал пять медяков старых, затёртых, с изображением капли на одной стороне и меча на другой. Фома ссыпал их в поясной карман. Первые деньги в Ордене Воды.

— Мне нужен доспех получше, — сказал Фома, указав на свою броню из крысиных шкур. — И работа.

Фермер оглядел его ещё раз, уже внимательнее — задержал взгляд на топоре, на мозолистых руках, на лице, которое, несмотря на молодость, несло на себе печать пережитого.

— Меня зовут Робарт, — сказал он наконец. — Ты выглядишь вроде крепким парнем. Вон видишь сарай для подённых рабочих? — Он махнул рукой в сторону приземистого здания, темневшего у края поля. — Можешь до утра там отдохнуть. А завтра, если не передумаешь, мы вернёмся к во-

просу о работе.

Фома поблагодарил Робарта и пошёл к сараю.

Это было длинное, приземистое строение, сложенное из того же грубого серого камня, что и дом фермера. Крыша, крытая почерневшей от времени дранкой, местами прохудилась, и сквозь дыры проглядывали первые звёзды. Вдоль стен, на земляном полу, устланном соломой, тянулись грубо сколоченные нары, четыре дощатых щита на козлах, застеленные соломенными тюфяками. Трое работников уже спали. Один, пожилой, с обветренным, словно дублёная кожа, лицом, лежал на спине, и его храп мерно сотрясал воздух. Двое других, помоложе, свернулись калачиками под грубыми шерстяными одеялами. В углу, у небольшой жаровни, ещё тлели угли, источая слабое, умирающее тепло. Пахло сухой соломой, потом, дымом и тем особым запахом, что всегда стоит в жилищах людей, работающих до изнеможения.

Одна кровать была свободна. Фома стянул доспех из крысиных шкур, повесил его на колышек, вбитый в стену, и, не раздеваясь больше, рухнул на тюфяк. Солома под ним зашуршала, принимая форму тела. Он закрыл глаза. Усталость, накопившаяся за долгий путь, навалилась на него, как каменная плита, и он почти мгновенно провалился в сон глубокий, тёмный, без сновидений.

Утром его разбудили голоса. Рабочие собирались на поле, гремели кружками, переговаривались вполголоса, натягива-

ли сапоги. Фома открыл глаза. Сквозь щели в крыше пробивался серый, рассеянный Пеленой свет. Он встал, потянувшись, разминая затёкшие мышцы. Один из рабочих, тот самый пожилой, что вчера храпел, подошёл к нему. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, было грубым, но глаза смотрели с каким-то спокойным, хозяйским вниманием.

— Новенький? — спросил он. — Меня зовут Видо. Я бригадир подённых рабочих. Когда поговоришь с Робартом, возвращайся ко мне.

Фома кивнул, натянул доспех и вышел из сарая.

Утро было прохладным. С океана тянул ветер, принося запах соли и водорослей. Пелена висела над головой светло-серой, почти прозрачной пеленой, и солнце уже пробивалось сквозь неё, заливая поля мягким, золотистым светом. Робарт стоял у входа в дом и смотрел на поле, заложив руки за спину. Фома подошёл.

— Я готов к работе, — сказал он.

Робарт обернулся.

— А что ты умеешь делать?

Фома задумался на мгновение.

— Ну, в сельском хозяйстве я не мастер, — признался он.

— Я был когда-то ремесленником. Вырезал из дерева тарелки и ложки.

Робарт оживился. Его лицо осветилось чем-то вроде довольной улыбки.

— Ну что ж, это весьма неплохой навык, — сказал он. — Вон видишь бревно? — Он указал на массивный дубовый ствол, лежавший у края поля. — Сходи к моей жене в дом, спроси у неё инструменты по дереву. И начинай. Деревянные тарелки и ложки мне нужны. Если будет много, сможем продать в городе.

Фома пошёл к дому. Это было крепкое, приземистое строение из серого камня, с покатой черепичной крышей и массивной дубовой дверью. Внутри пахло сушёными травами, дымом очага и чем-то ещё тёплым, домашним, забытым. Главная комната служила и кухней, и столовой. В углу, в большом каменном очаге, пылал огонь, и над ним, на железном крюке, висел чугунный котёл. У плиты стояла женщина высокая, статная, с волосами, убранными под платок. Она помешивала варево длинной деревянной ложкой, и от котла поднимался пар, пахнувший мясом, овощами и пряностями.

— Доброе утро, — сказал Фома. — Как у тебя здесь вкусно пахнет.

Женщина обернулась. Лицо её было простым, но приятным — открытым, с лёгкими морщинками у глаз.

— Ты новенький? — спросила она.

— Да, я пришёл вчера вечером.

— Приходи в обед. Похлёбка ещё не готова. — Она снова повернулась к котлу. — А пока что тебе нужно?

— Робарт сказал, что ты можешь дать мне инструменты по резьбе по дереву.

— А, вот оно что. — Женщина кивнула в угол комнаты. — Вон видишь сундук? Возьми там. Только ничего лишнего не бери. — Её голос прозвучал спокойно, но в нём чувствовалась стальная нотка. — Меня, кстати, Хельга зовут.

Фома прошёл к сундуку. Это был массивный, окованный железом ларь, явно старый — дерево потемнело от времени, а кованые петли покрылись патиной. Он поднял тяжёлую крышку и замер.

Внутри было много чего интересного. Новый волчий доспех лежал сверху плотная, усиленная мехом броня из шкуры лесного волка, с нашитыми костяными пластинами на плечах. Рядом поблёскивали стеклом два средних зелья здоровья и одно малое зелье маны, голубоватое, мерцавшее внутренним светом. Три головки сыра, завёрнутые в промасленную ткань. Десяток яблок, краснобоких, крепких, источавших сладковатый аромат. Короткий лук и пятнадцать стрел в колчане, аккуратно перевязанных ремешком. И кошель кожаный, туго набитый, в котором, судя по весу, было монет двадцать-тридцать. На самом дне, под всем этим богатством, лежали инструменты резцы, стамески, небольшой молоток и точильный камень.

Фома смотрел на содержимое сундука и чувствовал, как внутри него борются два человека. Один тот, что выжил в Тюрьме Третьего Кольца, что прошёл через Болота и Дом Белой Луны, что убивал и был убиваем, говорил: «Возьми всё. Никто не узнает. Доспех, зелья, деньги всё, что тебе нужно

для выживания. Хельга отвернулась. Робарт в поле. Ты успеешь уйти». Другой тот, кого учили Крест, Марта и Ксенагор, тот, кто стал Бароном и снова стал человеком, отвечал: «Эти люди тяжёлым трудом добывают себе на пропитание. Не стоит их обижать».

Фома закрыл глаза. Вдох. Выдох. Он вспомнил Марту. Маленькую, сухонькую старушку, которая ворчала на него, но всегда делилась последним. Которая никогда не воровала у своих. Он открыл глаза и взял со дна сундука только инструменты. Только их.

— Спасибо, Хельга, — сказал он и вышел из дома.

День прошёл в работе. Фома устроился у бревна на краю поля, разложил инструменты и принялся за дело. Он не держал резца в руках с тех самых пор, как был ремесленником в своём мире, но руки помнили. Пальцы сами находили нужный угол, нужную силу нажима. Старый дуб был твёрдым, но резцы острыми, хорошо заточенными. Щепка летела в стороны, и постепенно из грубого дерева проступали очертания ложки плавный изгиб черпала, удобная ручка. За первой последовала вторая. Третья. Потом пошли тарелки — широкие, плоские, с невысокими бортиками. Фома работал размеренно, ритмично, и постепенно этот ритм увлёк его. Он забыл обо всём, о Юверине, о потерянных друзьях, о Третьей Сфере. Только дерево, резец и руки.

В обед он заглянул к Хельге. Она уже разливала похлёбку по глиняным мискам — густую, наваристую, с кусками мя-

са и овощей. Фома сел за грубый деревянный стол, принял миску и попробовал. Вкус был... ошеломительным. Он не помнил, когда ел что-то подобное. Может быть, никогда. Похлёбка была простой, мясо, картофель, морковь, травы, но в ней чувствовалась забота. Чувствовался дом. Фома ел медленно, смакуя каждую ложку, и чувствовал, как тепло разливается по телу, как усталость отступает, как мышцы наливаются силой.

Интерфейс услужливо высветил строки перед глазами:

[Внимание! СИЛ повышена: +1.]

[СИЛ: 11 → 12.]

Фома улыбнулся, не интерфейсу, а похлёбке. Он доел всё до последней капли, поблагодарил Хельгу и вернулся к работе.

За день он выстругал пятьдесят тарелок и пятьдесят ложек. Руки гудели от усталости, пальцы были стёрты до мозолей, но он был доволен. Каждое изделие было ровным, гладким, приятным на ощупь. Никакой грубой работы, только мастерство. Он собрал всё в два мешка, которые дал Робарт, и принёс к дому.

Робарт осмотрел тарелки и ложки очень внимательно. Он брал каждую в руки, проводил пальцем по краю, проверял на свет, нет ли зазубрин. Молчание затянулось. Наконец он отложил последнюю тарелку и посмотрел на Фому.

— Отлично, — сказал он. — Ты, я смотрю, мастер.

Фома кивнул, принимая похвалу.

— Так. Двадцать тарелок и двадцать ложек я оставлю у себя, — продолжил Робарт. — Хельге и работникам пригодится. Вот тебе за них сорок монет. — Он отсчитал медяки и протянул Фоме тяжёлый, звякнувший кошель. — А остальные ты сможешь завтра продать на рынке в городе. У меня, знаешь ли, нет времени таскаться по торгашам. А тебе — лишний повод сходить в город и найти своего мага.

Фома взял деньги.

— Спасибо, Робарт.

— Не за что. Ты честно заработал.

Фома вернулся в сарай. Наступила ночь. Рабочие уже спали, Видо снова храпел, а молодые так же свернулись калачиками под одеялами. В жаровне снова тлели угли. Фома лёг на свой тюфяк, положил кошель под голову и закрыл глаза. Завтра его ждал город. Завтра его ждала «Синяя Медуза». Завтра он сделает ещё один шаг к своей цели.

[Инвентарь:]

— Доспех из шкур болотных крыс (защита: 5) — надет.

— Топор лесника (стальной, урон: 20, прочность: средняя).

— Метательные ножи ассасинов (3 шт., урон: 35, серебряное покрытие).

— Кремнёвый нож.

— Малое зелье здоровья (1 шт.).

— Записка Ксенагора.

— Руна телепортации.

— Спальный мешок из медвежьей шкуры (тепло: высокое, эффект: отпугивание диких зверей, вес: 4 кг).

— Заплечный мешок из шкуры болотной крысы.

— Инструменты для резьбы по дереву.

— 30 тарелок и 30 ложек (товар на продажу).

— 45 монет.

[СТАТУС: Изгой (Уровень 2)]

Здоровье: 110/110

Мана: 20/20

Очки Значимости: 40

Доступно очков обучения: 6

Характеристики:

СИЛ: 12

ЛВК: 9

ИНТ: 10

ВЫН: 12

Навыки:

Владение мечом (Ур. 1)

Лук (Ур. 1)

Дробящее оружие (Ур. 1)

Разделка туш (Ур. 2)

Скрытное перемещение (Ур. 1)

Резьба по дереву (Ур. 1)

Истинная невидимость (активна, расход маны: 2 ед./мин.)

Беспрепятственный проход через препятствия (активен,

расход маны зависит от плотности/толщины стены)

Отвращение вампиров (пассивный навык, действует только на вампиров)

Поглощено сфер: 2

Квесты: найти Марту, Коржика и Ксенагора. Поглотить третью сферу. Уничтожить Пелену.

Глава 2

Утро на ферме начиналось рано. Едва первые лучи солнца пробились сквозь Пелену, окрасив поля в блёклое золото, как работники уже вышли в поле. Фома проснулся от их голосов, от скрипа двери сарая, от холода, просочившегося сквозь щели в стенах. Он сел на тюфяке, потянулся, размял плечи, вчерашняя работа давала о себе знать приятной, тягучей болью в мышцах, и вышел наружу.

Робарт уже стоял у края поля, как и вчера, заложив руки за спину. Он смотрел на свои уголья с тем спокойным, хозяйским выражением лица, какое бывает только у людей, привыкших вставать до рассвета и работать до темна. Ветер с океана трепал его седые волосы.

— Доброе утро, Робарт, — сказал Фома, подходя.

— Доброе, — кивнул фермер. — Выспался?

— Хорошо выспался. — Фома помедлил, подбирая слова.

— Робарт, я в сундуке видел волчий доспех. Сколько ты за него просишь?

Робарт повернулся к нему, прищурился. Видно было, что

он оценивает — не Фому, а сделку.

— Сто монет, — сказал он наконец. — Доспех добрый. Из шкуры лесного волка, костяные пластины на плечах. Такой не в каждой лавке найдёшь.

— У меня здесь сорок пять монет, — сказал Фома, — и товар на шестьдесят. Ты сам говорил, что в городе эти ложки и тарелки можно продать по две монеты за штуку. Мне нужен волчий доспех.

Робарт помолчал, потом хмыкнул и махнул рукой.

— Хорошо. Отнеси деньги и посуду Хельге, она даст тебе доспех. И скажи ей, что я велел.

Фома кивнул и пошёл к дому.

Внутри, как и вчера, пахло дымом очага, сушёными травами и готовящейся едой. Хельга стояла у плиты, помешивая что-то в большом чугунном котле, и от него поднимался пар — густой, ароматный, пахнувший мясом и кореньями. Фома на мгновение замер на пороге, вдыхая этот запах. Запах дома.

— Доброе утро, Хельга.

— А, Фома, — она обернулась, вытирая руки о передник. — Пришёл за похлёбкой? Ещё не готова.

— Нет, — сказал он, — я по другому делу. Вот тебе деньги и посуда. — Он протянул ей кошель с монетами и мешок с тарелками и ложками. — Робарт сказал, что ты дашь мне волчий доспех.

Хельга взяла деньги и мешок, аккуратно поставила мешок у стены, пересчитала монеты. Потом подошла к сундуку, открыла тяжёлую крышку. Достала доспех — он был именно таким, каким запомнился Фоме: плотная, усиленная мехом броня из тёмно-серой волчьей шкуры, с нашитыми костяными пластинами на плечах, способными выдержать удар меча. Доспех пах зверем, тем самым мускусным, диким запахом, который Фома так хорошо знал по своему спальному мешку.

Но Хельга не остановилась на этом. Она нагнулась над сундуком, порылась в нём и извлекла ещё три предмета: пузырёк с густой, тёмно-красной жидкостью, сильное зелье здоровья; флакон с голубоватым, мерцающим изнутри светом, зелье маны; и головку сыра, завернутую в промасленную ткань.

— Вот, возьми, — сказала она, протягивая всё это Фоме. — Ты честный человек. Мог бы прошлый раз всё это украсть, но ты этого не сделал. — Она посмотрела на него прямо, и в её глазах не было ни подозрения, ни укоризны — только спокойное, материнское одобрение. — Можешь заходить ко мне каждый день, и я буду давать тебе похлёбку. Это твоя награда за честность.

Фома принял подарки. Ему вдруг стало тепло, не от доспеха, не от зелий, а от этих слов. От того, что кто-то, пусть даже незнакомый, увидел в нём человека.

— Спасибо, Хельга, — сказал он. — Я запомню.

Он вышел из дома, пересёк двор и зашёл в сарай. Рабочие

уже ушли, и внутри было пусто. Фома снял старый доспех из крысиных шкур, тот самый, что служил ему верой и правдой с самого начала, — и отложил в сторону. Потом надел волчий. Доспех сел как влитой: мех приятно лёг на плечи, косяные пластины не стесняли движений, а ремни затянулись плотно и надёжно. Фома провёл рукой по груди, по плечам, проверил, как выхватывается топор. Отлично.

Интерфейс услужливо высветил строки:

[Экипирован: Волчий доспех. Защита от всего: 15.]

[Инвентарь обновлён:]

— Волчий доспех (защита: 15) — надет.

— Топор лесника (стальной, урон: 20, прочность: средняя).

— Метательные ножи ассасинов (3 шт., урон: 35, серебряное покрытие).

— Кремнёвый нож.

— Малое зелье здоровья (1 шт.).

— Сильное зелье здоровья (1 шт.).

— Зелье маны (1 шт.).

— Записка Ксенагора.

— Руна телепортации.

— Спальный мешок из медвежьей шкуры (тепло: высокое, эффект: отпугивание диких зверей, вес: 4 кг).

— Заплечный мешок из шкуры болотной крысы.

— Инструменты для резьбы по дереву.

— Сыр (1 шт.).

— Старый доспех из шкур болотных крыс (защита: 5).

Фома удовлетворённо кивнул и вышел из сарая. Солнце уже поднялось выше, и Пелена, истончившаяся у побережья, пропускала довольно много света. День обещал быть ясным.

Он пошёл на поле, где работал Видо с бригадой. Рабочие, согнувшись в три погибели, пропалывали сорняки между рядами капусты. Видо, стоя в стороне, руководил процессом, покрикивал, указывал, где нужно пройти ещё раз. Завидев Фому, он выпрямился и приветственно махнул рукой.

— Фома! Как спалось?

— Хорошо, — ответил Фома, подходя. — Видо, слушай, а тебе случайно или твоим рабочим не нужен ещё крепкий доспех из шкур болотных крыс?

Он достал из заплечного мешка старый доспех и протянул его бригадиру. Видо взял доспех, развернул, принялся изучать. Его грубые, мозолистые пальцы ощупывали каждую шкуру, каждый шов, каждую заплатку.

— Доспех из шкур болотных крыс, — пробормотал он. — Это редкость в наших краях. У нас тут больше по волкам да по овцам. — Он перевернул доспех, оценил изнанку, потрогал затёртые ремни. — Но он у тебя изрядно потрёпан. Шкуры местами разошлись, заплатки грубые. Поэтому больше двадцати монет дать не смогу.

— По рукам, — сказал Фома. — Забирай.

Видо отсчитал двадцать медяков, и они перекочевали в кошель Фомы. Доспех бригадир аккуратно свернул и поло-

жил на телегу, стоявшую у края поля.

— Слушай, — сказал Фома, — а нет ли у тебя какой работы? Кроме прополки.

Видо усмехнулся.

— Робарт сказал, что ты в сельском хозяйстве не силён. Но тут недалеко есть одна пещера. — Он махнул рукой куда-то в сторону скал, темневших на горизонте. — Там, говорят, видели бандитов. Недели две уже, как они там засели. То ли дезертиры, то ли просто отребье. Если разберёшься с бандитами, я дам тебе пятьдесят монет.

Фома скрестил руки на груди.

— Да ты что, ополоумел? — сказал он, но в голосе его не было злости, скорее, удивление. — Пятьдесят монет? За банду?

Видо развёл руками.

— А сколько ты хочешь?

— Мне нужно больше.

— Семьдесят монет?

— Мне нужно больше.

Видо почесал затылок, вздохнул.

— Девяносто монет?

Фома почувствовал, что не стоит перебарщивать. Девяносто монет, это были хорошие деньги. За такие можно было купить приличное оружие или десяток зелий.

— Хорошо, — сказал он. — За девяносто монет я разбе-

речь с бандитами.

Видо кивнул, порылся в поясной сумке и извлёк сложенный вчетверо листок пергамента.

— Вот карта местности. — Он развернул листок и показал Фоме. — Вот дорога, что ведёт от фермы к городу. Вот скалы. А вот здесь, возле дороги, пещера. Там они и засели. Идти недалеко, час-полтора ходу.

Фома взял карту, аккуратно сложил и убрал в заплечный мешок.

— Я вернусь до вечера, — сказал он.

— Удачи, — кивнул Видо. — Будь осторожен. Говорят, у них там главарь — здоровый, как бык, и не расстается с киркой.

Фома поправил ляжки мешка, проверил, хорошо ли выхватывается топор, и зашагал прочь от фермы.

Дорога, ведущая от фермы к скалам, сначала шла через поля. Ветер колыхал высокую траву, и она переливалась серебристыми волнами. Жаворонки, невидимые в вышине заливались трелями. Солнце, пробивавшееся сквозь Пелену, пригревало плечи, и Фома чувствовал, как волчий доспех приятно теплеет на спине. Идти было легко.

Поля кончились внезапно, уступив место редкому лесу. Деревья здесь были не такими искорёженными, как в горах Котла, но всё же носили на себе печать постоянных океанских ветров: их стволы были наклонены в сторону суши, словно они выросли в землю, пытаясь убежать от солёных

бурь. Кроны, переплетаясь, образовывали над дорогой зелёный свод, и солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, рассыпался по земле дрожащими пятнами. Пахло прелой листвой, мхом и чем-то сладковатым может быть, дикими ягодами, росшими в подлеске.

Дорога сузилась, превратившись в тропу, и начала забирать вверх. Слева потянулись скалы серые, покрытые лишайником, с острыми, как клыки, выступами. Справа лес постепенно редел, открывая вид на океан, чья стальная гладь сливалась на горизонте с небом. Ветер здесь дул сильнее, и Фома, шагая по тропе, слышал его завывание в расселинах скал, протяжное, тоскливое, как песня без слов.

Он сверялся с картой, которую дал Видо. Вот поворот у старого, расколотого молнией дуба. Вот россыпь валунов, поросших колючим кустарником. Вот овраг, по дну которого бежал ручей, Фома остановился, напился ледяной воды и двинулся дальше. Вот и скала, отмеченная на карте крестиком, высокая, почти отвесная, с узкой расселиной у основания. Вход в пещеру.

Фома остановился, прислушался. Ветер выл в скалах, заглушая все остальные звуки, но ему показалось, что из расселины доносится какой-то шум, не то голоса, не то звон металла. Он вытащил топор, проверил, легко ли выходят метательные ножи, и шагнул в темноту.

[Инвентарь:]

— Волчий доспех (защита: 15) — надет.

— Топор лесника (стальной, урон: 20, прочность: средняя).

— Метательные ножи ассасинов (3 шт., урон: 35, серебряное покрытие).

— Кремнёвый нож.

— Малое зелье здоровья (1 шт.).

— Сильное зелье здоровья (1 шт.).

— Зелье маны (1 шт.).

— Записка Ксенагора.

— Руна телепортации.

— Спальный мешок из медвежьей шкуры (тепло: высокое, эффект: отпугивание диких зверей, вес: 4 кг).

— Заплечный мешок из шкуры болотной крысы.

— Инструменты для резьбы по дереву.

— Сыр (1 шт.).

— Карта местности.

— 20 монет.

[СТАТУС: Изгой (Уровень 2)]

Здоровье: 110/110

Мана: 20/20

Очки Значимости: 40

Доступно очков обучения: 6

Характеристики:

СИЛ: 12

ЛВК: 9

ИНТ: 10

ВЫН: 12

Навыки:

Владение мечом (Ур. 1)

Лук (Ур. 1)

Дробящее оружие (Ур. 1)

Разделка туш (Ур. 2)

Скрытное перемещение (Ур. 1)

Резьба по дереву (Ур. 1)

Истинная невидимость (активна, расход маны: 2 ед./мин.)

Беспрепятственный проход через препятствия (активен, расход маны зависит от плотности/толщины стены)

Отвращение вампиров (пассивный навык, действует только на вампиров)

Поглощено сфер: 2

Квесты: найти Марту, Коржика и Ксенагора. Поглотить третью сферу. Уничтожить Пелену. Разобраться с бандитами в пещере (награда: 90 монет).

Глава 3

Фома вытащил топор и стал очень тихо, крадучись, прижимаясь к стене, пробираться в глубь пещеры. Камень был холодным и влажным, под ногами хрустела мелкая крошка, и каждый шаг отдавался под сводами едва слышным эхом. Он двигался медленно, как учил его когда-то Крест, перекачивая стопу с пятки на носок, держа оружие наготове, дыша глубоко и беззвучно.

Пещера оказалась неглубокой. Уже через несколько десятков шагов проход расширился, и впереди, в дрожащем свете одинокого факела, воткнутого в расселину в стене, Фома заметил два силуэта. Свет был тусклым, неровным, и тени на стенах дёргались, словно живые. Один силуэт принадлежал невысокой, сторбленной фигуре, закутанной в какие-то тряпки. Второй был выше, странно угловатый, и стоял неподвижно, как статуя.

Голос тихий, приглушённый, доносился от первой фигуры. Говорил один человек. Второй стоял и слушал, не двигаясь. Фома не мог разобрать слов, только интонацию — спокойную, даже ласковую.

Он сделал ещё несколько шагов. Свет факела упал на лицо говорившей, и у Фомы перехватило дыхание.

Это была Марта.

Та самая маленькая, сухонькая старушка с морщинистым, изрезанным временем, словно русло пересохшей реки, лицом. Её седые волосы, обычно убранные в тугой пучок, теперь выбивались спутанными прядями. Одежда была измятой и пыльной, но взгляд живой, цепкий, остался прежним. Тот самый взгляд, который Фома помнил с первого дня их встречи.

А рядом с ней стоял Коржик. Верный, молчаливый скелет. На нём была одежда простая холщовая рубаха и штаны, и это делало его почти похожим на человека. Почти. Голый череп, впалые глазницы, костяные пальцы, сжимающие ру-

коять кирки, всё это было до боли знакомым. Родным.

Фома шагнул им навстречу.

Марта ахнула. Звук вырвался из её груди короткий, сдавленный не то вскрик, не то всхлип. Коржик мгновенно замахнулся киркой, заслоняя собой старуху. Его пустые глазницы уставились на приближающуюся фигуру, и кирка взлетела в воздух, готовая обрушиться на голову незваного гостя.

Но когда Фома подошёл ближе когда свет факела упал на его лицо, осветил волчий доспех, топор в руке, упрямые, тёмные глаза, Коржик опустил кирку. Медленно, неуверенно, словно не веря самому себе.

Марта долго смотрела, пытаясь понять, кто это пожаловал. Она щурилась, вглядывалась, и её губы беззвучно шевелились. Фома видел, как в её глазах борются страх, надежда и недоверие.

— Марта, — сказал он тихо. — Как долго я вас искал.

И тогда она узнала его.

— Фома! — выдохнула она. — Ты... ты живой!

Она подбежала — маленькая, стремительная, обняла его и заплакала. Её плечи вздрагивали, пальцы вцепились в его новый волчий доспех с такой силой, словно она боялась, что он снова исчезнет. Фома обнял её в ответ, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Она отстранилась, отступила на шаг и стала его рассматривать. Её руки ощупывали его плечи, грудь, лицо, словно

она хотела убедиться, что он настоящий.

— Ты опять человек, — сказала она, наконец. В её голосе слышалось изумление и что-то похожее на благоговение. — Как? Как это возможно?

— Долгая история, — ответил Фома. — Давайте сядем. Я всё расскажу.

Они сели у небольшого костерка, который Марта развела прямо в центре пещеры. Огонь был слабым, дров оставалось мало, но тепла хватало, чтобы согреть руки. Марта достала закуски: несколько кусков вяленого мяса, уже начавшего портиться, но ещё съедобного. Фома извлёк из заплечного мешка сыр, ту самую головку, что дала ему Хельга. Марта взялась нарезать его своим маленьким кремнёвым ножом, и её руки, хоть и дрожали от волнения, двигались привычно и ловко.

И Фома начал рассказывать.

Он рассказывал обо всём, что приключилось с ним после того, как он покинул Древний Лагерь. О Доме Белой Луны. О том, как стал рабом, закованным в амулет чёрного железа. О Виго и Алене. О Юверине, древнем сморщенном старике с алыми глазами, который отравил его разум и три дня держал под солнцем, пока плоть не отвалилась до костей. О Гадаре, обратившем его когда-то, о том, как они сражались вместе и как Гадар пал в Бою Чести, растерзанный собственным братом. О Ксенагоре, который вернул ему рассудок. О Второй Сфере, которая выжгла вампирскую сущность и сделала его

человеком.

Марта слушала внимательно. Она не перебивала, только иногда качала головой, и в её глазах блестели слёзы. Да и Коржик стоял рядом и слушал. Может быть, и не слушал — кто знает, есть ли у скелета уши, а просто склонил голову набок, как делал всегда. Но всем казалось, что скелет слушает внимательно. Иногда он чуть поворачивал череп, и пламя костра отражалось в его пустых глазницах, и от этого казалось, что в них теплится что-то похожее на понимание.

Когда Фома закончил, наступила тишина. Только огонь потрескивал, и ветер выл где-то далеко, у входа в пещеру.

— Теперь твоя очередь, — сказал Фома. — Как вы здесь оказались?

Марта вздохнула, поправила спутанные волосы и начала свой рассказ.

— Когда вампиры осадили замок... — Её голос звучал глухо, словно она перебирала старые, пыльные воспоминания. — Мы не сразу поняли, что происходит. Думали — отобьёмся. Ты же знаешь: стены высокие, стража крепкая. Но их было слишком много. Они летели с неба, как стая саранчи. Чёрные тени закрыли луну. А потом они прорвали оборону. Ударили с нескольких сторон сразу. И стали заполонять весь замок.

Она замолчала, глядя на огонь.

— Мы с Коржиком были в сокровищнице. Я думала —

может, успею забрать что-то ценное, пока они не добрались. А потом слышим — ломают дверь. Снаружи. Тяжёлые удары, треск дерева. Я уже прощалась с жизнью. Коржик встал передо мной, кирку поднял. Дверь уже трещала, готова была рухнуть. И тут...

Она запнулась.

— Появился Ксенагор. Прямо из воздуха. Синяя вспышка — и он стоит перед нами. Ни слова не сказал, только схватил нас за плечи — и мы исчезли. А когда я открыла глаза, мы были уже здесь. В этой пещере. Ксенагор сказал: «Сидите здесь и ждите». Сказал, что Фома вернётся. А потом исчез. Так же внезапно, как появился.

Марта развела руками.

— Мы даже не знаем, где мы. И сколько там вампиров осталось в Лагере. Мы никуда не выходим. Наши запасы заканчиваются. — Она кивнула на жалкие остатки мяса, разложенные на тряпице. — Однажды мы слышали голоса. Кто-то шёл снаружи. Коржик встал в проходе и замахал киркой. Голоса стихли. Видимо, они убежали. Больше никто не приходил.

Фома взял её за руку. Рука была холодной и тонкой, но ответила ему крепким пожатием.

— Марта, — сказал он. — Вы находитесь на территории Ордена Воды. Здесь нет вампиров. Вообще. Это самое безопасное место во всём Котле. А тут неподалёку есть ферма. Там хорошие люди. Завтра мы отправимся туда. Вы отдох-

нёте, поедите нормальной еды. А потом будем думать, что делать дальше.

Марта посмотрела на него долгим взглядом, и в её глазах — может быть, впервые за всё это время — мелькнуло что-то похожее на надежду.

— Ты нас спасёшь, — сказала она негромко. — Я знала. Я всегда знала.

Они легли на грубые шкуры, разложенные прямо на каменном полу. Коржик остался стоять у входа в пещеру на страже. Фома закрыл глаза. Усталость навалилась на него, но это была хорошая усталость. Усталость человека, который сделал важное дело.

Разговор ещё немного продолжался. Они вспоминали Древний Лагерь. Первое кольцо лачуги нищих, запах дыма, крики торговцев. Второе кольцо тренировочный плац, стражники, охотники с добычей. Замок холодный камень, факелы на стенах, тронный зал.

— Помнишь, как ты впервые вошёл в замок? — спросила Марта.

— Помню, — ответил Фома.

— А помнишь Коржика, когда он впервые надел штаны? Фома усмехнулся в темноте.

— Помню.

Фома заснул. Его дыхание стало ровным, глубоким. А Марта продолжала рассказывать тихо, почти шёпотом. Она перебирала воспоминания, как старые чётки, и каждое было

драгоценным. Она говорила о том, как Фома стал Бароном. О том, как они праздновали его первую победу. О том, как Марта учила его разбираться в людях, а он учил её не бояться скелетов.

Она говорила, и голос её звучал как колыбельная. Убаюкивая найденного сына.

[Инвентарь:]

— Волчий доспех (защита: 15) — надет.

— Топор лесника (стальной, урон: 20, прочность: средняя).

— Метательные ножи ассасинов (3 шт., урон: 35, серебряное покрытие).

— Кремнёвый нож.

— Малое зелье здоровья (1 шт.).

— Сильное зелье здоровья (1 шт.).

— Зелье маны (1 шт.).

— Записка Ксенагора.

— Руна телепортации.

— Спальный мешок из медвежьей шкуры (тепло: высокое, эффект: отпугивание диких зверей, вес: 4 кг).

— Заплечный мешок из шкуры болотной крысы.

— Инструменты для резьбы по дереву.

— Карта местности.

— 20 монет.

[СТАТУС: Изгой (Уровень 2)]

Здоровье: 110/110

Мана: 20/20

Очки Значимости: 40

Доступно очков обучения: 6

Характеристики:

СИЛ: 12

ЛВК: 9

ИНТ: 10

ВЫН: 12

Навыки:

Владение мечом (Ур. 1)

Лук (Ур. 1)

Дробящее оружие (Ур. 1)

Разделка туш (Ур. 2)

Скрытное перемещение (Ур. 1)

Резьба по дереву (Ур. 1)

Истинная невидимость (активна, расход маны: 2 ед./мин.)

Беспрепятственный проход через препятствия (активен, расход маны зависит от плотности/толщины стены)

Отвращение вампиров (пассивный навык, действует только на вампиров)

Поглощено сфер: 2

Квесты: найти Ксенагора. Поглотить третью сферу. Уничтожить Пелену. Разобраться с бандитами в пещере (награда: 90 монет).

Глава 4

Утро в пещере наступило незаметно. Сюда, в глубь скалы,

не проникал солнечный свет, и только тусклый, умирающий огонёк костра давал понять, что мир снаружи уже проснулся. Фома открыл глаза, сел на шкурах, потянулся. Марта ещё спала, свернувшись калачиком под своим ветхим плащом. А Коржик всё это время стоял на посту у входа в пещеру неподвижный, молчаливый, с киркой в костяных пальцах. Он не спал. Он вообще никогда не спал.

Фома осторожно разбудил Марту, помог ей собрать нехитрые пожитки, узелок с остатками еды, плащ, маленький кремнёвый нож, и позвал Коржика.

— Идите сюда, — сказал он. — Мы уходим отсюда.

Он взял Марту за одну руку, Коржика за другую. Костяные пальцы скелета были холодными, но сжимали его ладонь с неожиданной силой. Фома сосредоточился, представил ферму Робарта поля, каменный дом, сарай, фигуру фермера, стоящего у края грядок, — и активировал руну телепортации.

Вспышка синего света. Мир вокруг них сжался в точку и тут же развернулся заново.

Они появились прямо посреди поля, в трёх метрах от Робарта. Фермер, как всегда, стоял, заложив руки за спину, и смотрел, как рабочие пропалывают сорняки. Он обернулся на звук, лёгкий хлопок, какой бывает, когда воздух заполняет пустоту, оставленную телепортацией, и увидел их.

Вернее, он увидел Коржика.

Скелет в холщовой рубахе и штанах, с пустыми глазница-

ми, с оскаленным в вечной усмешке черепом, с киркой в костяных пальцах стоял посреди поля, и утреннее солнце, пробившееся сквозь Пелену, отбрасывало его тень на капустные гряды. Робарт издал звук, какого Фома никогда раньше от него не слышал, не то крик, не то сдавленный хрип. Лицо его побелело. Он попятился, выставив перед собой руки, словно пытаясь отгородиться от нежити.

— О, Иннос!.. — выдохнул он.

Работники, услышав, как кричит хозяин, обернулись. И увидели скелета в костюме. Один за другим они побросали мотыги. Кто-то закричал. Кто-то просто побежал, не разбирая дороги. Они неслись в сторону леса, обгоняя друг друга, спотыкаясь о грядки, ломая капустные листья. Видо бежал первым тот самый пожилой бригадир, чей храп Фома слушал две ночи подряд, и его глаза были полны неподдельного, животного страха.

— Робарт! — Фома вскинул руки. — Робарт, успокойся! Это со мной!

Фермер остановился. Он смотрел на Фому ошалелыми глазами, всё ещё держа руки перед собой, словно в любой момент ожидал, что скелет прыгнет на него и вцепится в горло.

— Фома?.. — прохрипел он. — Что... что это?

— Это Коржик, — сказал Фома, стараясь говорить как можно спокойнее. — Он ручной.

Робарт перевёл взгляд со скелета на Фому, потом снова на

скелета. Его губы шевелились беззвучно, словно он пытался подобрать слова и не мог. Наконец он выдавил:

— Как такое вообще возможно? Чтобы мертвец был ручным? Ты что, некромант?

— Да нет же. — Фома махнул рукой. — Долго объяснять. Коржик — слуга и защитник Марты. Вот, познакомься. Это Марта.

Он указал на старушку, которая стояла рядом, чуть позади, и — то ли от смущения, то ли от растерянности глупо улыбалась. Робарт перевёл взгляд на неё. Маленькая, сухонькая, с седыми волосами, выбивавшимися из-под платка. Совершенно не опасная. Совершенно обычная. Это немного его успокоило.

— Марта, — повторил он. — А это... этот... Коржик — он что, с ней всегда?

— Всегда, — подтвердил Фома. — И он не причинит никому вреда. Слушай, Робарт. Если ты не против, они живут у тебя. Марта будет помогать Хельге по дому. А Коржик сможет помогать тебе по хозяйству.

Робарт начал приходить в себя. Его дыхание выровнялось, лицо медленно обретало нормальный цвет. Он всё ещё косился на Коржика, но теперь уже с некоторым любопытством. Он сделал шаг к скелету, потом ещё один. Коржик стоял неподвижно, сжимая свою кирку, он никогда с ней не расставался.

Робарт протянул руку и потрогал Коржика. Его пальцы

коснулись костяного предплечья, холщового рукава, грубой ткани штанов.

— Ну дела, — пробормотал он. — Как живой прям. Только холодный.

Он обошёл скелета кругом, разглядывая его со всех сторон, как разглядывают диковинную лошадь на ярмарке. Потом остановился и решительно кивнул.

— Ладно. Только его надо принарядить. А то у Хельги не выдержит сердце.

Он развернулся и быстрым шагом направился к дому. Через минуту он вернулся, неся в руках соломенную шляпу ту самую, в каких ходили все работники на ферме, и большой шерстяной платок. Он натянул шляпу на голый череп Коржика, сдвинул поля пониже, чтобы прикрыть пустые глазницы. Потом повязал платок на лицо скелета, закрыв оскаленный рот и провал носа.

— Вот, — сказал он удовлетворённо. — Теперь на человека стал похож. А то распугает тут всех.

Коржик, который всё это время стоял неподвижно, чуть повернул голову, и платок на его лице слегка колыхнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.